

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
МЕЛАНИ КЛЯЙН

Melanie Klein

PSYCHOANALYTICAL WORKS

«THE DEVELOPMENT OF A CHILD»

AND OTHER WORKS 1920—1928

Мелани Кляйн

Психоаналитические труды

**«Развитие одного ребенка»
и другие работы 1920—1928 гг.**

Том 1

Перевод с английского и немецкого

УДК 159.923
ББК 88.52
К526

Издание выходит с 2007 года

К526 Психоаналитические труды: В VII т. / Мелани Кляйн. — Пер.
с англ. и нем. под науч. ред. С.Ф. Сироткина и М.Л.
Мельнико-вой. — ИД «ERGO», 2007. —
ISBN 978-5-98904-019-3

Т. I: «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920—1928 гг.
— 2008. — XIV+ 374 с.
ISBN 978-5-98904-028-5

Тексты М. Кляйн публикуются с разрешения The Random House Group Ltd и
Andrew Nurnberg Associates International Ltd:

© The Random House Group Ltd, London, UK, 1998

© The Melanie Klein Trust, 1975

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНЫЙ РОМАН IN STATU NASCENDI (1920a)	3—10
Предварительные замечания издателей	4
РАЗВИТИЕ ОДНОГО РЕБЕНКА (1921a)	11—81
Предварительные замечания издателей	12
ТОРМОЖЕНИЯ И ТРУДНОСТИ В ПУБЕРТАТЕ (1922a)	83—90
Предварительные замечания издателей	84
ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ. О РАЗВИТИИ И ТОРМОЖЕНИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ДАРОВАНИЙ (1922b)	91—93
Предварительные замечания издателей	92
РАННИЙ АНАЛИЗ (1923a)	95—133
Предварительные замечания издателей	96
РОЛЬ ШКОЛЫ В ЛИБИДИНОЗНОМ РАЗВИТИИ РЕБЕНКА (1923b)	135—159
Предварительные замечания издателей	136
ТЕХНИКА АНАЛИЗА МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ (1924)	161—163
Предварительные замечания издателей	162
ВКЛАД В ПСИХОГЕНЕЗ ТИКОВ (1925a)	165—193
Предварительные замечания издателей	166
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАННЕГО АНАЛИЗА (1926a)	195—210
Предварительные замечания издателей	196
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ИЗ АНАЛИЗА РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ПЯТИ ЛЕТ (1926b)	211—213
Предварительные замечания издателей	212
СИМПОЗИУМ ПО ДЕТСКОМУ АНАЛИЗУ (1927a)	215—258
Предварительные замечания издателей	216
КРИМИНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ У НОРМАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ (1927b)	259—280
Предварительные замечания издателей	260

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ В РАННЕМ АНАЛИЗЕ (1927с)	281—283
Предварительные замечания издателей	282
РАННИЕ СТАДИИ ЭДИПОВА КОНФЛИКТА [АВТОРЕФЕРАТ] (1927d)	285—287
Предварительные замечания издателей	286
РАННИЕ СТАДИИ ЭДИПОВА КОНФЛИКТА (1928а)	289—308
Предварительные замечания издателей	290
ЗАМЕТКА О ПРЕДЫДУЩЕМ СООБЩЕНИИ [Д. БРАЙАН «СНОВИДЕНИЕ СУДЕБНОГО ХАРАКТЕРА»] (1928b)	309—314
Предварительные замечания издателей	310
Appendix	
Библиография	317
Лист сокращений	320
Лист пациентов	321
Именной указатель	322
Предметный указатель	326
Указатель фантазий	362
Указатель символов	366

От издателей

Издательский проект «Психоаналитические труды Мелани Кляйн» реализуется с целью введения в научный и культурный оборот переводов текстов одного из крупнейших детских психоаналитиков. К настоящему времени на русском языке издано достаточно большое количество работ М. Кляйн. Данное издание призвано дать систематическое, комментированное представление о ее творческом наследии.

Большинство своих статей Мелани Кляйн публиковала в «International Journal of Psycho-Analysis», ее ранние публикации выходили также в «Internationale Zeitschrift für (ärztliche) Psychoanalyse». При жизни Кляйн был подготовлен сборник ее трудов «Contributions to Psycho-Analysis 1921—1945» (1948), объединивший ранние статьи. Неоднократно переиздавалась книга «Die Psychoanalyse des Kindes» (1932), в том числе на английском, французском, испанском и венгерском языках. Отдельным изданием вышли две лекции, подготовленные М. Кляйн и Дж. Ривьер (Klein, M., Riviere, J. Love, Hate and Reparation; two lectures. — London, 1937). При активном участии Кляйн, включая ее поздние работы, были изданы сборники статей: «Developments in Psycho-Analysis» (1952) и «New Directions in Psycho-Analysis» (1955). В поздний период жизни Кляйн были опубликованы две фундаментальные книги: «Envy and Gratitude» (1957) и «Narrative of a Child Psycho-Analysis» (1961 [1960]). Из важнейших изданий необходимо также отметить сборники статей, вышедшие уже после смерти Кляйн в 1960 году: «Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse» (1962) и «Our Adult World and Other Essays» (1963).

Основой для настоящего проекта послужили соответствующие англо- и немецкоязычные издания собрания трудов Мелани Кляйн. Четырехтомное английское собрание (1975) охватывает все основные тексты Кляйн и имеет комментарии к ее работам, способствующие более полному пониманию истории создания текста и его связей с другими трудами и воссоздающие контекст формирования кляйнианских идей. Немецкое издание

(1995—2002) дополнено томом, раскрывающим вклад Кляйн в дискуссии в Британском психоаналитическом обществе, проходившие в 1942—44 гг. На английском языке данные вклады Кляйн наряду с вкладами других участников дискуссий и соответствующими протоколами заседаний Британского психоаналитического общества помещены в фундаментальное издание: *Ring, Pearl, and Ricardo Steiner* (ed.): *The Freud—Klein Controversies 1941—45*. — London: Routledge, 1991. Немецкое издание также включило в себя две версии текста статьи «*Infantile anxiety situations reflected in a work of art and in the creative impulse*» (1929), первоначально вышедшей на английском языке, а в дальнейшем в несколько переработанном виде на немецком. Кроме того, в немецком издании представлены также ранние тексты, которые сама Кляйн в дальнейшем не перерабатывала и не включала в прижизненные публикации.

Таким образом, обобщение принципов издания, реализованных в двух базовых собраниях, позволило нам представить наиболее полную версию перевода собрания текстов Кляйн. Настоящее собрание включает также ряд кратких журнальных статей и отчетов с Международных психоаналитических конгрессов, не вошедших в основные издания ее собрания сочинений.

Все тексты располагаются в хронологическом порядке, что дает представление об эволюции взглядов М. Кляйн.

*
* *

Несколько слов следует сказать об особенностях перевода текстов Кляйн с английского и немецкого языков. Поскольку по существующей переводческой традиции в переводах с английского термины *Ego*, *Super-Ego* передаются как *Эго* и *Супер-Эго*, а в переводах с немецкого термины *Ich* и *Über-Ich* передаются как *Я* и *Сверх-Я*, возникает ситуация параллельного использования различных слов для передачи одного и того же термина. В настоящем издании мы придерживались сложившейся традиции и поэтому в текстах, переведенных с немецкого языка, в том числе в цитатах *Э. Фрейда*, приводимых в текстах переводов с английского, используются термины *Я* и *Сверх-Я*. В текстах, переводимых с английского языка, кроме фрейдовских цитат, соответственно оставляется — *Эго* и *Супер-Эго*.

Техническое замечание: все ссылки на работы З. Фрейда, приводимые Кляйн, даются по немецкому собранию его сочинений: Freud, S. *Gesammelte Werke*. — Bd. I—XVIII.

Ко всем текстам, помещенным в настоящий том, даются предваряющие комментарии, касающиеся содержания текста и истории его публикации. При подготовке данных комментариев были использованы комментарии, опубликованные в английском собрании трудов М. Кляйн, изданном издательством «Hogarth Press».

В настоящий том Собрания сочинений Мелани Кляйн, впервые издаваемом на русском языке, вошли работы, написанные ею в 1920—1928 гг.

Содержание настоящего тома дает возможность проследить развитие идей о технике анализа детей, а также позволяет обнаружить истоки фундаментальных теоретических концептов Кляйн.

Том начинается с небольшой статьи «Семейный роман *in statu nascendi*», в которой Кляйн рассказывает о случае со своим сыном. Обращая внимание на проявляемое ребенком желание уйти в другую семью, Кляйн анализирует проигрываемое в данном случае отдаление от своей семьи — символическую смену родителей. Тематика этой статьи находит свое продолжение в следующей работе «Развитие одного ребенка», объединяющей два доклада, прочитанных в Венгерском и Берлинском психоаналитических обществах в 1919 и 1921 гг. соответственно. Здесь представлен случай воспитания ребенка, живо интересующегося вопросами существования бога, происхождения человека, проявлений своего тела и т. д. Работа насыщена примерами высказываний ребенка, его игр и действий, сопровождающихся небольшими аналитическими комментариями. Уже в этой работе Кляйн высказывает оптимистичные предложения о раннем аналитическом вмешательстве в воспитание.

Значительное место в настоящем томе заняли работы, освещающие проблемы раннего развития и анализа. В статье «Ранний анализ» разворачивается модель, показывающая взаимосвязь вытеснения, торможения и сублимации. Впервые в данном тексте указывается на особую роль тревоги и ее разрешения в психическом становлении субъекта. В работе «Психологические принципы раннего анализа» Кляйн высказывает принципиальную идею о раннем развитии эдипова комплекса и структуры Супер-Эго. Здесь также раскрывается роль игры в анализе ребенка, терапевтический эффект которой видится в избавлении от интроецированных жестоких родителей. Настаивая на сохранении в детском анализе классических принципов анализа взрослых, Кляйн обосновывает необходимость изменения техники, адаптируемой к особенностям коммуникации с ребенком. Обсуждение принципов и техники детского анализа продолжается в работе

«Симпозиум по детскому анализу», представляющей собой текст выступления Кляйн на одноименном симпозиуме в мае 1927 г. В данной статье Кляйн подробно отвечает на высказанную ранее Анной Фрейд критику своей техники игрового анализа.

Другие три работы, включенные в данный том, сосредоточиваются на частных проблемах детского анализа. Статья «Вклад в психогенез тиков» представляет собой вклад М. Кляйн в дискуссию о происхождении и терапии тика. Анализируя случаи тика у детей, Кляйн обнаруживает связь тика с мастурбационными фантазиями и вызванными ими страхом кастрации. В теоретическом отношении данная работа вводит концепцию объектных отношений в объяснение тика как одного из нарциссических расстройств. Статья «Криминальные тенденции у нормальных детей» раскрывает взгляды М. Кляйн на природу агрессивности человека. Проявления садистических и криминальных тенденций в раннем детстве рассматриваются ею как часть нормального развития. Кляйн показывает, как на различных этапах криминального фантазирования ребенок решает задачу упорядочивания своих деструктивных тенденций и регулирования тревоги, исходящей от формирующегося Супер-Эго. Под заголовком «Ранние стадии эдипова конфликта» в настоящий том помещены две работы Кляйн. Первая из них является авторефератом выступления М. Кляйн на психоаналитическом конгрессе, вторая — полной версией данного текста. Здесь высказывается идея о более раннем проявлении эдипова конфликта, чем это было принято считать. Отнесение периода начала эдипова конфликта к более раннему возрасту заставляет Кляйн отчасти пересмотреть само содержание данной психоаналитической конструкции.

Особое внимание обращают на себя две работы, связанные с проблемами школьного обучения. В небольшой статье «Торможения и трудности в пубертате» Кляйн останавливается на личностных изменениях, происходящих с мальчиками в период пубертата, и исследует беспокоящие родителей и учителей факты усиления непослушания и потери интереса к школе. Другой текст, «Роль школы в либидинозном развитии ребенка», продолжает начатое ранее исследование проблемы интеллектуального торможения. Кляйн показывает, что учебная деятельность имеет для ребенка сексуально-символический характер и без понимания этого невозможно помочь ребенку, испытывающему трудности в школьном обучении.

Настоящий том также содержит несколько коротких заметок. Работа «Детский анализ. О развитии и торможении естественных дарований»

представляет собой реферат выступления Кляйн на Берлинском психоаналитическом конгрессе. Другой текст, «Техника анализа маленьких детей», является отчетом о докладе, сделанном Кляйн на психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге. В двух других работах кратко излагаются выступления М. Кляйн на заседании Британского психоаналитического общества. В «Некоторых заметках из анализа ребенка в возрасте пяти лет» описывается садистическая игра мальчика Петера в связи с его кастрационным комплексом. В «Значении слов в раннем анализе» приводится фрагмент использования игры в психоаналитической работе с ребенком. Завершает том работа, озаглавленная как «Заметка о предыдущем сообщении», в которой Кляйн дает комментарий к статье Дугласа Брайана «Сновидение судебного характера».

ТЕКСТЫ

СЕМЕЙНЫЙ РОМАН IN STATU NASCENDI

(1920a)

Издания на немецком языке:

1920: Der Familienroman in statu nascendi // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1920. — Bd. 6. — S. 151—155.

Это первая публикация Мелани Кляйн. В небольшой статье она рассказывает о случае со своим сыном, который проявил интерес к проблеме появления себя на свет, а затем и происхождению человека вообще. Кляйн обращает внимание на проявленное ребенком желание уйти в другую семью — семью девочки, которая ему нравится. Ребенок проигрывает в данном случае отдаление от своей семьи, символическую смену родителей, на которую обратил внимание З. Фрейд в работе «Семейный роман невротиков» (1909с).

Интерес Кляйн к развитию инфантильных сексуальных теорий, религиозных чувств ребенка, его взаимоотношений в семье будет реализован также и в следующей работе «Развитие одного ребенка» (1921а).

Перевод с немецкого Н.Н. Шубиной.

На русском языке публикуется впервые.

Так как небольшой случай, о котором хочу рассказать далее, приобретает смысл только во взаимосвязи с предысторией, я должна сделать вначале краткое сообщение о предшествующем развитии.

Мой пятилетний сын Эрих, здоровый, крепкий ребенок, умственно развивался также нормально, но медленно. Он начал говорить лишь в два года, и ему было уже три с половиной, когда он научился связно выражаться. Особенно примечательных высказываний, которые к этому времени уже можно услышать от способных детей, тогда, однако, нельзя было отметить. Но, несмотря на это, он все же, как своим внешним видом, так и своим поведением, производил впечатление развитого и смышленного ребенка. Очень медленно он усваивал отдельные понятия. Ему было уже больше четырех лет, когда он научился различать цвета, и почти четыре с половиной, когда ему стали ясны понятия «вчера», «сегодня», «завтра». В практических вещах, то есть что касается развития его чувства действительности, он определенно отстал от других детей своего возраста. Зато поразительна была его память — он помнил и помнит относительно давно прошедшие вещи до мельчайших подробностей, а понятия или факты, которые однажды стали ему понятны, он прочно усвоил. В целом он задавал не больше, но и не меньше вопросов, чем другие дети. В возрасте приблизительно четырех с половиной лет началось несколько более быстрое умственное развитие, а также более сильное желание задавать вопросы.

Было время перед Пасхой, и он слышал много хорошего о пасхальном зайце. Казалось, ему это очень понравилось, и когда он спросил меня, на самом ли деле есть пасхальный заяц — и я сказала, что нет, — он воспринял это явно неохотно. Он еще несколько раз возвращался к этому вопросу, и однажды хотел доказать мне существование пасхального зайца тем, что у ребят С. (детей хозяйки дома, его друзей, с которыми он вместе играл) есть настоящий пасхальный заяц. После моего объяснения, что это живой заяц, но не настоящий пасхальный заяц, он замолчал и затем сразу начал говорить о чем-то другом. Примерно тогда же он рассказывал мне очень

оживленно о черте: «Его следы видели в саду, и ребята С. слышали, как низкий голос сказал: “Я черт”». Когда я ему возразила, что все это неправда и просто «история», он сослался на то, что сам только что на лужайке видел издали черта. «Он весь коричневый и очень большой». Было легко доказать ему, показав, что большой коричневый черт — жеребенок! Но, несмотря на это, он казался переубежденным лишь наполовину, ему было совсем не легко отказаться от своей веры.

В то же самое время случилось так, что он отказался подняться наверх из сада. На следующее утро он сам объяснил мне свое непослушание тем, что охотно спрятался внизу, чтобы переночевать в саду. Это желание он повторял после этого еще несколько раз, причем добавлял, что хочет переночевать внизу с ребятами С. Когда я возразила, что трава сырая и он простудится, он сказал, что у них внизу есть домик (маленькое огороженное пространство, образованное выступом дома), в нем они будут затем вместе спать. Иногда он говорил также, что ребятам С. он — брат, но и своим брату и сестре тоже. Однако когда он сердился на своего старшего брата, он заявлял ему при случае, «что он ему больше не брат».

Вскоре после этих вопросов и разговоров сексуальное любопытство малыша стало очевидным, а именно из следующей внешней причины: старшие брат и сестра неоднократно говорили о событиях, которые происходили еще до рождения Эриха, и на его вопрос, был ли он тогда тоже, ему был дан ответ: «Тебя тогда еще на свете не было». Это объяснение явно его сильно задело, и он однажды взял реванш тем, что рассказывал старшей сестре об одном из своих приключений и добавил: «Это было тогда, когда тебя еще и на свете не было». — Несколько дней спустя, однако, он неожиданно подошел ко мне с вопросом: «Где я был, когда меня еще на свете не было?» После того как он получил разъяснение, что тогда он еще был во мне, так как ребенок растет в матери, пока не станет достаточно сильным и большим, чтобы жить вне ее, что затем он выходит и что это называют «появиться на свет», он проявил к делу мало интереса, он лишь сделал вывод с большим удовлетворением: «Значит, я все-таки был на свете, если я был в тебе». Потом в некоторых случаях, когда речь снова шла о давно прошедших вещах, он заявлял: «Я тоже был при этом, я был тогда внутри мамы». Однако

скоро проявилось то, что его интерес, касающийся самого дела, был незначителен лишь внешне. После того как это беспокойство, что когда-то его не было, сменилось удовлетворенностью, он пришел с уже иначе сформулированным вопросом: «Как появляется человек?» Я дала ему теперь более подробное и основательное объяснение и рассказала ему, что в матери находятся сорок яичек, что из одного такого яичка развивается эмбрион и т. д. По-видимому, он меня понял, дальнейших вопросов не задавал, но вел себя странно. Как только я начинала более подробно объяснять, он казался рассеянным и немного смущенным, сразу начинал говорить о чем-то другом; он явно снова старался уклониться от темы, поднятой им самим. Тем не менее, начиная с этого времени, он задавал этот вопрос чуть ли не ежедневно, всегда в одной и той же формулировке. Он всегда задавал его спонтанно (так как мы всегда избегаем давать ему повод для вопросов или же возбуждать их искусственно), но как только я начинала объяснение, он снова начинал себя вести странно, рассеянно, смущенно и стремился сменить тему. Очевидным было — так же как и в вопросах о пасхальном зайце и черте — его стремление к правде в борьбе с его желанием сохранить не настоящую, но, возможно, более подходящую ему по вкусу фантастическую веру. Несмотря на это он снова и снова приходил с этим вопросом.

Однажды он спросил также: «А в папе ребенок не растет?»¹

Затем он на некоторое время перестал задавать мне этот вопрос, но обратился с ним к своей (впрочем, вскоре после этого уволенной) воспитательнице, которая, вопреки указанию, ответила ему, что детей приносит аист. Затем он повторил вопрос старшему брату, который сказал ему в ответ, что людей создает бог. Эти ответы, казалось, его не удовлетворили, так как, в конце концов, он снова пришел ко мне с вопросом: «Как появляется человек?» Я снова повторила ему обычное объяснение, после чего он стал разговорчивее и рассказал мне, что фрейлейн сказала ему (впрочем, казалось, что он уже слышал это от кого-то и раньше), будто бы детей приносит аист. «Это всего лишь история», — ответила я. — «Ребята С. сказали мне, что на Пасху пасхального зайца не было, а вещи в

¹ Кажется также, что вопрос об участии отца бессознательно у него уже возник; прямо он его еще не задавал.

саду спрятала фрейлейн»¹. «Они совершенно правы», — ответила я. — «Пасхального зайца нет, не правда ли, это лишь история». — «Верно». — «И рождественского деда нет?» — «Да, его тоже нет». — «А кто приносит и украшает елку?» — «Родители». — «И ангелов тоже нет, это тоже лишь история?» — «Да, ангелов нет, это тоже лишь история». Тут он ненадолго перестал задавать вопросы, вздохнул и сказал после небольшой паузы: «Но, не правда ли, слесари, они есть, они настоящие? Иначе кто делает ящик?»

Через два дня после этого разговора он сообщил мне за обедом, что сразу же после еды переезжает к хозяйке дома. «Я буду братом для ребят С., а также сыном фрау С.». Он уже называет себя Эрихом С. На мой вопрос, кто же тогда будет у меня, он высказывает свое мнение: «Е. и Р.» (его брат и сестра). Я возражаю, ведь они уже большие, а я непременно хочу иметь еще маленького ребенка, — могу ли я взять вместо него его подругу Грету? После короткой внутренней борьбы он говорит «да». Однако сразу же после этого он спрашивает меня, буду ли я тогда его еще любить? Мой ответ, что тогда я вместо него должна буду любить Грету, неприятно его задевает, — но он берет себя в руки и молчит, что тем более бросается в глаза, ведь обычно уже одна лишь угроза, что он будет менее любим, производит глубокое впечатление на чрезвычайно нежного и мягкого ребенка.

Когда его спрашивают, на чем же тогда будет спать фрау С., он говорит: «Надо будет отнести мою кровать наверх, стакан для полоскания рта и зубную щетку я сам возьму». Я спрашиваю его, что будет с рубашками, которые для него шьют и которым он очень рад? «Ты пришлешь мне их, когда они будут готовы». Я возражаю, что же тогда будет, если я этого не позволю и не разрешу ему уйти. «Тогда я убегу», — говорит он очень решительно². Я тотчас отвечаю ему, что не буду ему препятствовать уйти от нас,

¹ Что касается вопроса о пасхальном зайце, объяснение ребят С. (которые обычно рассказывали ему всевозможные «истории») его, видимо, полностью убедило. Возможно, это побудило его, в конце концов, также остановиться на так часто им требуемом и все же не принятом во внимание ответе на вопрос: «Как появляется человек?»

² В два года девять месяцев он однажды действительно удрал из квартиры. Какое-то время после этого он проявлял большую жажду приключений и желание сбежать. Этот случай он и сейчас еще очень хорошо помнит.

но что сначала он должен спросить фрау С. о том, примет ли она его. Сразу после еды он объявляет: «Я иду спрашивать фрау С.». Я еще раз пытаюсь: «А не жаль ли ему нас покидать, и кто же будет его любить так, как я?» На это он говорит: «Фрау С. будет еще больше любить, чем ты».

Позже он полдничает в саду вместе с ребятами С. и кричит мне: «Мне разрешили, и я живу уже с ними». То, как упорно он осуществляет этот новый выбор семьи, следует из того, что он не слушался меня. Если бы я накануне увидела, что он высовывается из окна, и крикнула бы ему отойти назад, он сделал бы это лишь тогда, когда находящиеся рядом с ним дети позволят ему это; и обо мне он говорит уже как о «маме Е.». Девочке, которую он нежно любит и которая уже на протяжении нескольких лет живет в доме, он говорит, что перевозит свои игрушки (для чего он также принимает меры): «С такими людьми, как вы, я не разговариваю» (манера говорить, которая ему совершенно несвойственна).

Мы позволяем делу идти своим чередом, однако просим затем семью С., чтобы те дали ему понять, что не могут его принять, так как это просто невозможно. К ужину он снова появляется в детской. Я спрашиваю его (внешне очень удивленная), почему же он ужинает здесь, а не у семьи С.? «Я хочу жить только здесь», — говорит он. «А сказали ли ему что-нибудь у С.?» — «Ребята сказали, что это была только шутка», — ответил Эрих. Но я не хочу так легко оставить его в покое и говорю безжалостно, что сама хочу поговорить с фрау С. — возможно, что тогда она все же оставит его. В его глазах слезы, и он говорит: «Даже если она разрешит, я не хочу там жить». — «Почему?» — спрашиваю я. — «Потому что я тебя так сильно люблю, мама».

Так как в ответ на это я снова его целую и обнимаю, он очень счастлив и говорит после этого девочке: «Мама была такая милая. Вы не видели, мы помирились и расцеловались». На этом, по-видимому, вопрос был для него исчерпан. Он больше не говорит об этом, и когда, несмотря на мое указание, сделанное всем домашним, не делать ему никаких упреков об этом деле, его брат начинает с ним этот разговор — малыш не обращает на это внимания.

На меня это дело произвело такое впечатление, что как будто бы мальчик, которого связывает особенно нежная любовь с одной из

девочек С., сделал то, что делают многие молодые мужчины (однако не признают это открыто), что с выбором супруги они одновременно совершают также переизбрание родителей, и это проявляется в так часто наблюдаемом процессе, когда жена перетягивает мужа в свою семью.

В чем основная причина этой экзогамии, мы знаем из работы Фрейда «Тотем и табу»¹.

Кроме этой тенденции к экзогамии, мне кажется, на внешние причины повлияло еще и то, что ребята С. окружили Эриха особенной любовью, несомненно, лелеяли его идею, что фрау С. иногда давала ему сладости, но особенно, что она была хозяйкой дома, которая распоряжалась фруктами и садом и играла в доме ведущую роль.

Д-р Ференци, которому я сообщила эту маленькую историю и мои выводы, заключенные из нее, и который также до этого уже был знаком с проблемами ребенка, обратил мое внимание также на другую, лежащую очень глубоко, взаимосвязь. Его мнение исходит из того, что полученные объяснения, как бы сильно они, с одной стороны, ни удовлетворяли его тягу к исследованиям, с другой стороны все же привели его к конфликту с имеющейся склонностью вытеснения. То, что есть ангел и аист — как бы сильно его стремление к правде ни сопротивлялось этому, — вероятно, понравилось ему все же больше, чем реалистические и голые факты, которые он вместо этого узнал. Дополнительно к желанию искать другую, более благородную семью (какой ему, безусловно, должна была показаться хозяйка дома), бессознательная потребность дала затем импульс искать более чутких людей, следовательно, таких, которые не рождаются ни одним из таких привычных способов, и чему поспособствовало, возможно, и то, что истории о черте, ангеле и т. д. ему чаще всего рассказывали как раз ребята С.

Следующее утро подтвердило правильность точки зрения д-ра Ференци ярким примером. Неожиданно, сразу же вслед за пожеланием доброго утра, Эрих обратился ко мне с вопросом: «Мама, скажи, а как ты появилась на свет?»

¹ Freud, S. Totem und Taboo (1912—1913a) // G. W. — Bd. 9.

РАЗВИТИЕ ОДНОГО РЕБЕНКА
(1921a)

Издания на немецком языке:

1921: Eine Kinderentwicklung. Sexualaufklärung und Autoritätsmilde in ihrem Einfluß auf die intellektuelle Entwicklung des Kindes // Imago. — 1921. — Bd. 7. — S. 251—309.

Издания на английском языке:

1923: The development of a child (Sexual enlightenment and permissiveness in their influence on the intellectual development of the child) // International Journal of Psycho-Analysis. — 1923. — Vol. 4. — P. 419—474.

1948: Idem // Klein, M. Contributions to Psycho-Analysis 1921—1945. — London: Hogarth, 1948. — P. 13—67.

Издания на русском языке:

1925: Клейн, М. Развитие одного ребенка. — М., 1925. — 85 с.

Данная работа объединяет в себе два доклада, прочитанных в Венгерском и Берлинском психоаналитических обществах в 1919 и 1921 годах соответственно.

Тематически эта публикация продолжает ее первую работу о семейном романе — описывается случай воспитания ребенка, который живо интересуется вопросами существования бога, происхождения человека, проявлений своего тела и т. д. И в первой и во второй частях показано как активно действует в ребенке механизм вытеснения. В первом случае, когда воспитание не сопровождается сексуальным просвещением; во втором — как механизм, имманентный детской душе.

Оба сообщения насыщены примерами высказываний ребенка, его игр и действий. М. Кляйн внимательно относится к малейшим деталям того, как в ребенке развивается чувство реальности и обретается опыт взаимоотношений с окружающими.

В конце она высказывает оптимистичные предложения о раннем аналитическом вмешательстве в воспитание.

В целом данная публикация предвещает дальнейшие кляйнианские построения в области наблюдений за ребенком, развития игровой техники и понимания детской души. Примечательно, что первые публикации Кляйн — это запись случая наблюдений за ребенком с небольшими анали-

тическими комментариями, одна же из последних работ «Отчет об анализе ребенка» (1961a) — это тоже подробнейшее описание случая, но уже в рамках собственно анализа.

Перевод с английского О.Н. Яковлевой и М.Л. Мельниковой.

ВЛИЯНИЕ СЕКСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ АВТОРИТЕТА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ¹

Введение

Идея просвещения детей в сексуальных вопросах постепенно обретает свою основу. Вводимое во многих учебных заведениях обучение имеет своей целью защитить детей в период пубертата от возрастающих опасностей неведения в этих вопросах, благодаря чему эта идея получила понимание и огромную поддержку. Знания, полученные с помощью психоанализа, указывают на то, что детей с самого нежного возраста необходимо если не «просвещать», то, по крайней мере, воспитывать таким образом, чтобы отпала надобность в специальном просвещении, поскольку такое воспитание направлено на совершеннейшее, наиболее естественное просвещение, соответствующее темпу развития ребенка. Согласно неопровержимым результатам психоаналитического опыта, дети по возможности должны быть защищены от любого чрезмерного вытеснения, а потому и заболеваний или нарушений в развитии характера. Следовательно, наравне с намерением сопоставить реальные и очевидные опасности с информацией, анализ нацелен на избежание опасностей, в равной степени реальных, пусть даже и неочевидных (из-за не признания их таковыми), однако более распространенных, более глубоких и поэтому требующих срочного наблюдения. Результаты психоанализа, в каждом конкретном случае ведущие назад к вытеснениям детской сексуальности как причинам последующего заболевания или вытеснениям действующих в большей или меньшей

¹ Доклад был зачитан в Венгерском психоаналитическом обществе в июле 1919 года. Данная работа уже была готова к печати, поэтому я оставила замечания и выводы неизменными, такими, как я сформулировала их тогда.

степени болезнетворных элементов или торможений, присутствующих даже в нормальной психике, ясно указывают на путь, по которому следует идти. Мы можем избежать ненужного вытеснения, высвободив — прежде всего в нас самих — всю обширную сферу сексуальности из плотной завесы таинственности, лжи и опасности, сплетенной лицемерной цивилизацией на аффективной и несведущей основе. Мы должны позволить ребенку получать столько сексуальной информации, сколько требует его растущее желание знаний, таким образом, сразу же лишая сексуальность таинственности и большей части опасности. Это гарантия того, что желания, мысли и чувства не будут — как это случается с нами — отчасти вытесняться, а отчасти, если вытеснение не удастся, сохраняться под бременем ложного стыда и невротического страдания. Более того, предотвращая это вытеснение и бремя излишнего страдания, мы закладываем основу для здоровья, психического равновесия и благоприятного развития характера. Тем не менее, этот весьма ценный результат не единственное, ожидаемое для индивида и развития гуманности, преимущество воспитания, основанного на безоговорочной откровенности. Это воспитание имеет и другое, не менее важное последствие — решающее влияние на развитие интеллектуальных способностей.

Истина данного заключения, основанная на опыте и учении психоанализа, была ясно и неопровержимо доказана развитием ребенка, с которым я имела возможность работать долгое время.

Предыстория

Исследуемый ребенок — мальчик, маленький Фриц, сын родственников, живущих по соседству, что дало мне возможность часто и подолгу общаться с ребенком. Так как его мать следует всем моим рекомендациям, у меня есть возможность изучать далеко идущее влияние на воспитание ребенка. Сейчас мальчику пять лет. Это сильный, здоровый ребенок с нормальным, но слегка замедленным психическим развитием. Он начал говорить в два года и только в три с половиной смог выражаться последовательно. Но даже тогда он не произносил каких-то ярких высказываний, которые иногда можно услышать от одаренных детей в раннем возрасте. Несмотря

на это он производил впечатление живого и умного ребенка. Некоторыми отдельными понятиями он овладевал очень медленно. Лишь в четыре года он научился различать цвета и только в четыре с половиной усвоил понятия «вчера», «сегодня» и «завтра». В практических вопросах он значительно отставал от детей своего возраста. Хотя его часто брали с собой в магазин за покупками, из его вопросов следовало, что он никак не мог понять, почему нельзя просто так брать вещи у людей, у которых этих вещей много. Было достаточно сложно объяснить ему, что за вещи нужно платить, и стоимость вещи зависит от ее ценности.

С другой стороны, у него была удивительная память. Он в деталях помнил и вспоминает до сих пор относительно отдаленные случаи и совершенным образом владеет идеями и фактами, однажды понятыми. Вообще-то он задавал немного вопросов. В возрасте четырех с половиной лет его психическое развитие стало более интенсивным, также возник более мощный импульс задавать вопросы. В то же время ярко выраженным стало чувство всемогущества (называемое Фрейдом «верой во всемогущество мысли»). Фриц был абсолютно уверен в том, что может сделать все, о чем бы ни говорилось, — будь то умение или вещь, даже если ему доказывали обратное. В другом случае, когда в ответ на его вопросы ему сказали, что папа с мамой тоже многого не знают, его вера в свое всемогущество и всемогущество окружающих, казалось, совсем не пошатнулась. Когда он не мог защитить себя иным способом, даже под давлением фактов, доказывающих обратное, он настаивал: «Если бы мне хотя бы один раз показали, как это нужно делать, я смог бы сделать это очень хорошо». Поэтому, вопреки опровергающим фактам, он был абсолютно уверен, что умеет готовить, читать, писать и прекрасно говорить по-французски.

Начало периода вопросов о рождении

В возрасте четырех лет и трех месяцев появились вопросы о рождении. Напрашивается вывод, что вместе с этим у мальчика в целом усилилась потребность задавать вопросы.

Здесь отмечу, что на свои вопросы (задаваемые в основном матери или мне) маленький мальчик всегда получал абсолютно

правдивые ответы, а в случае необходимости научно обоснованные ответы, очень краткие и понятные для него. Вопросы, на которые уже были получены ответы, больше не звучали, новая тема не вводилась в разговор до тех пор, пока Фриц либо не повторял, либо не задавал спонтанно новый вопрос.

Однажды мальчик спросил¹: «Где я был до того как родился?» Позже этот вопрос неожиданно возник в другой форме: «Откуда берется человек?» и повторялся стереотипно почти каждый день. Было совершенно ясно, что постоянное обращение к этому вопросу не было обусловлено недостаточным умственным развитием, так как было очевидно, что мальчик хорошо понял объяснения о том, как происходит рост внутри материнского тела (об участии отца в этом процессе не упоминалось, так как в то время он не спрашивал об этом прямо). Частое повторение вопроса детерминировали определенная «боль» и нежелание принять (с которыми боролась жажда правды), что демонстрировалось поведением мальчика — забывчивостью, несколько смущенным поведением, когда разговор только начинался, и явными попытками оставить начатую им самим тему. На короткое время Фриц перестал задавать этот вопрос матери и мне и обратился с ним к няне (вскоре покинувшей дом) и старшему брату. Их ответы, что аист приносит детей, и Бог сотворил людей, удовлетворили его, но лишь на несколько дней, и когда немного позже мальчик вновь обратился к матери с вопросом «Откуда берется человек?», казалось, он наконец-то готов принять ее ответ как подлинную истину².

¹ Вопрос возник из-за случайных замечаний старшего брата и сестры, которые в разных ситуациях говорили ему: «Ты тогда еще не родился». Это замечание, очевидно, вызывало болезненное переживание «не всегда существования», поскольку сразу же после него Фриц неоднократно выражал свое удовлетворение, говоря, что он все равно существовал до того, как родился. Вероятно, не только это замечание спровоцировало данный вопрос, так как через некоторое время вопрос неожиданно возник в измененной форме: «Откуда берется человек?» В четыре года и три месяца возник другой вопрос, часто повторявшийся какое-то время. Мальчик спрашивал: «А для чего нужен папа?» И реже: «А для чего нужна мама?» Ответ на этот вопрос, значение которого в то время не было понятно, был следующим: папа нужен, чтобы любить и заботиться о ком-то. Этот ответ явно не удовлетворял Фрица, и он повторял данный вопрос сначала часто, потом все реже и реже, пока наконец не оставил эту тему.

² Одновременно ему стали понятны некоторые другие идеи, неоднократно обсуждавшиеся в период, предшествующий вопросам о рождении, однако очевидно,

На вопрос «Откуда берется человек?» его мать еще раз повторила данное ранее объяснение. В этот раз Фриц оказался общительнее и сообщил ей, что няня сказала, что детей приносит аист (думается, он слышал это от кого-то и ранее). «Так только говорят», — сказала мать. «Дети Л. сказали мне, что это не Пасхальный заяц пришел на Пасху, а няня все устроила в саду»¹. «Они абсолютно правы», — ответила она. — «Пасхального зайца нет? Просто так говорят?» — «Конечно». — «И Рождественского Деда тоже нет?» — «Нет». — «А кто приносит и наряжает елку?» — «Родители». — «И ангелов нет? Это тоже просто так говорят?» — «Да, и ангелов нет, просто так говорят».

Несомненно, эти знания нелегко было усвоить, так как в завершении данного разговора, после небольшой паузы, Фриц спросил: «Но слесаря-то есть, ведь так? Они есть на самом деле? А иначе кто бы сделал ящики?» Два дня спустя он попытался провести эксперимент с обменом родителей, заявив, что теперь миссис Л. его мама, а ее дети — его братья и сестры. Обмен был в силе весь день.

Вечером он пришел домой с покаянием². На следующее утро, поцеловав маму, он первым делом спросил: «Мама, скажи, как ты появилась на свет?» Этот вопрос показал, что существовала причинная связь между его намерением поменять родителей и предшествующим этому просвещением, которое так нелегко было усвоить.

После этого Фриц с большим удовольствием пытался разрешить этот вопрос, к которому неоднократно возвращался. Он спрашивал, как это происходит у собак. Потом он сказал мне, что недавно «заглянул в разбитое яйцо», но не увидел там цыпленка.

что они тоже не были выяснены до конца. Некоторым образом он даже стремился отстоять их; например, пытался доказать существование Пасхального зайца, говоря, что у детей Л. (с которыми он играет) он есть, и что он сам видел дьявола на расстоянии на луку. Гораздо легче было убедить его в том, что он думал, будто видел жеребенка, чем доказать, что нет оснований для веры в дьявола.

¹ Очевидно, он был убежден в существовании Пасхального зайца благодаря информации, полученной от детей Л. (хотя они часто говорили ему неправду). Возможно, данный факт также спровоцировал его получить более точный ответ на вопрос — так часто задаваемый, но пока еще не усвоенный — «Откуда берется человек?»

² Приблизительно два года назад он убежал из дома, однако причина, заставившая его сделать это, так и не была выявлена. Мальчика нашли у магазина, в котором продавали часы. Он внимательно разглядывал витрину.

Когда я объяснила ему различие между цыпленком и маленьким ребенком и то, что последний остается внутри теплого материнского тела, пока не станет достаточно сильным, чтобы выйти, он был чрезвычайно доволен. «Но тогда, кто кормит ребенка внутри матери?» — спросил он.

На следующий день он спросил меня: «Как люди растут?» Когда я привела в пример маленького ребенка из знакомых ему детей, его брата и отца в качестве последующих примеров различных стадий роста, он сказал: «Я знаю все это, но как человек растет вообще?»

Вечером ему сделали выговор за непослушание. Он был встревожен и постарался помириться с матерью. Он сказал: «Я буду слушаться завтра и на следующий день и на следующий...», — внезапно он замолчал, подумал минуту и спросил: «Мама, как долго следующий день будет приходить?» И когда она спросила, что конкретно он имеет в виду, он повторил: «Как долго будет приходить все новый и новый день?» и вслед за этим: «Мама, разве ночь не принадлежит предыдущему дню, а рано утром не наступает новый день опять?»¹ Его мать пошла принести что-то, а когда вернулась в комнату, он напевал себе. Когда она вошла, он перестал петь, пристально посмотрел на нее и сказал: «Если бы ты сказала мне не петь, я должен был бы перестать петь?» Когда же она объяснила, что не сказала бы ничего подобного, потому что он всегда может делать то, что хочет, за исключением тех случаев, когда по некоторым причинам чего-то делать нельзя, и привела примеры, он, казалось, остался доволен.

Разговор о существовании Бога

На следующий день шел дождь. Фриц был расстроен, потому что хотел поиграть в саду, он спросил маму: «Знает ли Бог точно, сколько будет литься этот дождь?» Она ответила, что не Бог проливает дождь, дождь идет из туч, и объяснила, как это происходит. На следующее утро он снова обратился к ней с вопросом, кото-

¹ Понятие времени, которое было таким сложным для него, сейчас, очевидно, стало понятнее. Однажды, уже когда усилилось удовольствие от задавания вопросов, он сказал: «Вчера это то, что было, сегодня — то, что есть, завтра — то, что будет!»

рый не задавал долгое время: «Откуда берется человек?» Его мать поинтересовалась, что именно он не понял из предыдущих объяснений, и ребенок сказал: «Как человек растет». Когда она попыталась еще раз объяснить, как растет маленькая голова, конечности и пр., ребенок сказал: «Мамочка, но как — откуда появляется маленькая голова и маленький животик, и все остальное?» Она ответила, что все эти крошечные части уже существуют внутри маленького яйца, наподобие маленького цветка в бутоне, на что ребенок ничего не сказал. А чуть позже он спросил: «Как делается стул?»¹ В это время мать одевала его. Совершенно неожиданно Фриц спросил: «Это ведь не Бог проливает дождь? Тони (горничная) сказала, что Бог проливает дождь!» Он снова спросил: «Так только говорят, что Бог проливает дождь?» Получив утвердительный ответ, он продолжил: «А на самом деле Бог есть?» Его мать уклончиво ответила, что никогда не видела его. «Его никто не видит, но на самом деле он на небе?» — «На небе только воздух и облака». — «Но на самом-то деле Бог есть?» Выбора не было, мать приняла решение и сказала: «Нет, мой мальчик, на самом деле его нет». — «Но, мама, если взрослый говорит, что Бог есть на самом деле и он живет на небе, — разве это неправда?» Ее ответ был таков, что многие взрослые могут чего-то не знать и не уметь рассказать об этом правильно. Фриц закончил завтракать и стоял у двери, ведущей в сад, выглядывая на улицу. Он задумался. Вдруг он сказал: «Мама, я вижу что-то, и то, что я вижу, есть на самом деле, ведь так? Я вижу солнце и сад, но не вижу дом тети Марии, но ведь он есть, так?» Когда она объяснила ему, почему он не видит дом тети Марии, он спросил: «Мама, ты тоже не можешь увидеть ее дом?» Она отрицательно покачала головой, и мальчик обрадовался. Однако тут же продолжил: «Мама, а как солнце оказалось там?» Она сказала

¹ В дальнейшем он какое-то время повторял этот вопрос каждый раз, когда обсуждались детали роста, в понимании которых он испытывал трудности. «Как делается стул?», вопрос, ответ на который он хорошо знает и на который поэтому ему больше не отвечают, кажется, является своего рода помощником и используется в качестве стандарта или сравнения для выявления реальности всего того, о чем он слышит впервые. В том же самом значении он использует выражение «на самом деле», и с этой заменой употребление вопроса «Как делается стул?» уменьшилось и постепенно исчезло совсем.

немного задумчиво: «Знаешь, наверное, оно там с давних, давних времен...» — «Да, но задолго до этого как оно оказалось там?»

Здесь я должна объяснить неуверенное поведение матери относительно вопроса ребенка о существовании Бога. Его мать — атеистка. Однако в воспитании старших детей ее убеждения не нашли места в практике. Верно, что воспитание детей было совершенно свободно от религии, дома о Боге говорили очень мало, а то, что дети узнавали о Боге вне дома (например, в школе), мать никогда не опровергала. Поэтому, несмотря на то, что о Боге говорилось очень мало, для детей он незримо присутствовал, занимая в их психике важное место среди фундаментальных понятий. Муж, сторонник пантеистической концепции божества, весьма положительно относился к тому, что в процессе обучения детей поднимался вопрос о Боге, однако никакого определенного решения по данному вопросу между родителями не было. Так случилось, что в тот день у матери не было возможности обсудить этот вопрос со своим мужем, поэтому когда вечером мальчик неожиданно спросил отца: «Папа, а Бог есть на самом деле?», тот просто ответил: «Да». На что Фриц резко возразил: «А мама сказала, что на самом деле Бога нет». В этот момент в комнату вошла мать, и он тут же спросил ее: «Мамочка, а папа говорит, что Бог есть на самом деле. Бог на самом деле существует?» Разумеется, она была ошеломлена и ответила: «Я никогда его не видела и не верю, что Бог существует». В этот момент ей на помощь пришел муж, он разрешил ситуацию, сказав: «Послушай, Фриц, никто никогда не видел Бога, одни люди верят в то, что Бог существует, другие считают, что его нет. Я верю в то, что он существует, а твоя мама думает, что его нет». Пока отец говорил, Фриц с огромной тревогой смотрел то на одного, то на другого родителя, потом вдруг повеселел и сказал: «Я тоже думаю, что Бога нет». Однако через некоторое время у него, видимо, снова появились сомнения, потому что он спросил: «Мама, а если Бог существует, он живет на небе?» Она повторила, что на небе только воздух и облака, после чего он довольно весело и определенно произнес: «Я тоже думаю, что Бога нет». Но тут же добавил: «Но трамвай есть на самом деле и поезда тоже — я ездил на них к бабушке и к Е.».

Это непредвиденное и сымпровизированное решение вопроса о Боге, впервые позволившее ребенку осознать, что отец и мать

имеют разные точки зрения по важному вопросу, имело ряд преимуществ: оно дало возможность уменьшить чрезмерный авторитет родителей и ослабить представление об их всемогуществе и всезнании. Это ослабление авторитета могло бы привести к появлению у ребенка чувства некоторой незащищенности; но я думаю, это обстоятельство легко преодолимо, поскольку авторитета все еще достаточно, чтобы обеспечить чувство поддержки. Во всяком случае, в поведении мальчика я не заметила никаких следов данного явления: ни чувства незащищенности, ни пошатнувшегося доверия к своим родителям. Все же одна мимолетная реплика, прозвучавшая спустя две недели, возможно, имела какое-то отношение к этому. Во время прогулки сестра попросила Фрица узнать у кого-нибудь, сколько сейчас времени. «У джентльмена или леди?», — поинтересовался он. Она ответила, что это не имеет значения. «А если джентльмен скажет двенадцать часов, а леди — пятнадцать минут второго?» — спросил он глубокомысленно.

Мне показалось, что последующие шесть недель после разговора о существовании Бога в некоторой степени стали заключительным и кульминационным моментом данного периода. Во время этого периода и после него начался существенный интеллектуальный рост мальчика, изменения происходили в интенсивности, направлении и типе развития (по сравнению с прежними особенностями), что позволило мне выделить три периода в его психическом развитии, начиная с того времени, когда он научился ясно излагать свои мысли. Первый период — до появления вопросов о рождении, второй период — с момента появления этих вопросов до момента решения вопроса о божестве, и следующий третий период, только что начавшийся.

Третий период

Потребность задавать вопросы, столь явно выраженная во втором периоде, в третьем периоде не ослабла, однако приобрела иной характер.

Безусловно, Фриц часто возвращается к вопросу о рождении, но ясно, что знания по данному вопросу уже включены в общую систему его мышления. Его интерес к рождению и связанным с ним

вопросам все еще силен, но уже не так горяч, поскольку вопросов он задает меньше, но формулирует их более конкретно. Например: «Собака тоже растет внутри мамы, а потом появляется на свет?» или «Как растет олень? Так же, как человек?» И получив утвердительный ответ, продолжает: «Он тоже растет внутри мамы?»

Существование

Из вопроса «Откуда берется человек?», который больше не появляется в данной форме, развился вопрос относительно существования в целом. На протяжении этих недель было задано огромное количество подобных вопросов. Вот некоторые из них. Как растут зубы? Как глаза удерживаются (в глазницах)? Как появились линии на ладони? Как растут деревья, цветы, леса и т. д.? Растет ли стебель вишни с вишенкой с самого начала? Созревают ли незрелые вишни в животе? Можно ли сорванные цветы посадить снова? Если собрать незрелые семена, созреют ли они? Как сделана пружина? Откуда появилась река? Как суда попадают в Дунай? Из чего сделана пыль? И далее вопросы о том, каким образом устроены различные предметы, вещи и материалы.

Интерес к фекалиям и моче

Мне представляется, что в его более специфических вопросах (Как это человек может двигаться, двигать ногами, прикасаться к чему-то? Как кровь попадает внутрь него? Как на человеке появляется кожа? Как что-нибудь растет вообще? Как это человек может работать и делать вещи? и т. д.), а также в том, как он стремится получить ответы на эти вопросы, равно как и в постоянно выраженной потребности понять, как устроены вещи, узнать их внутренний механизм (клозет, система водоснабжения, трубы, револьвер), — во всем этом любопытстве выражается потребность проникнуть в глубины и исследовать то, что так сильно интересует его. Возможно, интенсивность и глубину данной потребности отчасти обуславливает бессознательное любопытство (пока еще не получившее прямого выражения) относительно роли отца в рождении ребенка. Эта потребность проявилась в вопросе иного рода, который на